

ПОРОЖДАЮЩИЕ ГРАММАТИКИ ФИЛОСОФСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СУЩЕГО

Костенич В. А. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра философии)

Аннотация. В статье осмысливаются некоторые (фундаментальные для философского дискурса) экзистенциальные ниши мировоззренческой интенсивности, порождающие возможность и необходимость нашего ответственного предстояния собственному существованию.

Мировоззренческое отслеживание человеком собственной «данности» в предметах и отношениях его опыта – есть постоянная цель, задача и пафос философствования. Философски ориентированная мысль перманентно натывается на необходимость интерпретации этого самобытного бытия, ищущего смысловые территории для встречи с самим собой. Возникает естественная потребность придать этой ценностной перспективе некие *герменевтические артикуляции, создающие словарь философского дискурса*. Каковы же *повествовательные матрицы философских диагнозов человеческого бытия*, где таится их возможная экзистенциальная онтология, и в лексике каких (аутентичных им) *категориальных инсталляций и словоформ* следовало бы пытаться говорить о драмах наших личностных откровений?

Со времен Аристотеля «прародиной» философских мыслей о бытии считается «удивление». В своей экзальтированной версии оно трактуется как «смысловое цунами» таких содержаний Сущего, которые вводят человеческий разум в смятение мировоззренческого парадокса. Зримые «очевидности» повсед-

невного бытия обнаруживают свою «скрытую глубину». Мир ценностно трансформируется в нечто «иностранно проблемное», в нем обнаруживаются сингулярности бытийных «первоединств» и смыслоликов. Рождаются гераклитовские «пожары сознания», начинающего стенать пеленой «недо-ум(н)ений». Человек оказывается задет и захвачен молниями интеллектуальных «разрывов», ослепительных и ослепляющих одновременно.

В этой зоне травматической смуты, «вдруг» наступающей человеческое существование и изумляющей нас своими «сказами», человек первично «теряет речь», ресурсы его косноязычного словоблудия истончаются до «онемения», он весь отныне – сплошная растерянность и взволнованная прострация. Ему брошен вызов на дуэль понимания. Дух обнажен до «зубной боли в сердце». Слова теряют свою привычную внятность и «складную» респектабельность. Исходя из фактуры «вдруг-удивлений» и сопровождающих их травматических корректив нашего «присутствия в Сущем», а также с учетом (единовременного) слома привычных речевых практик обживания смысла, возникает потребность в каком-то определении той «базовой реакции» на синергетические зоны повседневности, которая ориентирует человека в «философском направлении» его жизни. Она должна быть достаточно значимой и драма(т)ургичной верификацией нашей потрясенности «самостными зовами бытия».

На наш взгляд, в полной мере данным требованиям и ожиданиям соответствует «аксиология катарсиса», свидетельствующая о резонансных трансформациях человеческой личности, перед лицом «сакральных» для его душевной конституции «волн экзистенциального обновления». Жизнь в ауре катарсиса обнажает свою (вечную) ангажированность бытийными «Благо»склонностями Истины, Добра и Красоты и провоцирует стихийные поиски вертикальных горизонтов собственной бездны. Зов бытия (в обликах шоковой терапии озона катарсиса) нуждается в своей философской транскрипции, в обу-словливании себя какой-то категориальной экспликацией, в термине, обобщающем вихри смятений встрепенувшегося духа.

Этот кентавр «междумирья и междусловья», именуемый словоформой «СОБЫТИЕ», совокупляет «внешние инъекции» бытовых «вдруг-землетрясений» и, (к)осмосно родственные им, духовные реновации смысложизненной палитры человеческого «Я». Событие оказывается одновременно и «онтологическим» обстоятельством Сущего («бытием-в-себе»), и антропологическим артефактом «напряжений» человеческого мировосприятия («бытием-для-нас»). Безличное и лично(стн)ое обнаруживают свою «единокровную укорененность» в феноменах осциллирующего бытия. Событие «выказывается» в катарсисе, но не производно от него.

Объективируя мировоззренческую фокусировку на смысложизненных формациях повседневного существования, «выкликая» человека к диалогам с собственной сущностью, подкупая его катарсисами «восторженной растроганности» от встречи с овременённой Вечностью, события (бытия) приглашают нас на randevu с некими архетипическими (и, как бы, «смыслотворными») для человеческого «присутствия» духовными испытаниями.

Прежде всего, – это «испытание тотальной «пограничностью» любого события бытия», свидетельствующее о необходимости постигать Сущее как такую «совокупность Инаковостей», каждая из которых выражает собою «зов Единого», растиражированный в многоголосье и бесконечности уникального. «Событийность бытия» выявляет осознание нашей темпоральной зыбкости и онтологической хрупкости, головокружительно свидетельствует о том, что смерть предстоит нам не «иногда», а изначально и (на) всегда, ибо мы неизбежно «смертны», а вся наша жизнь – невольное «бытие-к-смерти», песочные часы убывания. Именно символическая и семантическая универсализация смертности как пограничья всех остальных «временностей бытия» позволяет признать тот факт, что «абсолютно Всё» в налично Сущем «смертельно философично», ибо обременено и беременно своей «конечностью», вызывает к актуализации своего предназначения и «права на» бытие.

Особого внимания заслуживает событие наших бытийных коммуникаций с «Иными» людьми, экосистемами и трансцендентными сущностями, или, как принято говорить, культурно-исторический диалог между «Я» и «Другим(и)». В этом мировоззренческом контексте рождаются и продуцируются бинарные оппозиции «Я – Ты» (Л. Фейербах, М. Бубер), «Я – Мы» (С.Л. Франк, М. Бахтин), «Я – Оно» и Я – Сверх-Я» (психоанализ), «Я – Бог, я – червь, Я – царь, я – раб» (Державин), «Я – есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая тоже хочет жить» (А. Швейцер) и т. п. Все они призваны вовлечь человеческое существо в пространства ответственного со-бытия с окружающим миром, в его проекциях многоликой самобытности.

Размышляя над факторами коммуникативных замыканий между людьми, Ж.П. Сартр в «Бытии и Ничто» избирает самое «сильное» человеческое «соитие» (оно же – событие) – литургию Любви. В его представлении, «Любовь – есть соблазн соблазнить чужую Свободу». Речь при этом не идет о Другом человеке как существе (временно или по паспорту), «свободном» от обязательств личностного и социального плана. Нет! Другой человек, в качестве «события (нашего) со-бытия» исходно должен быть постулирован

в статусе «онтологической Свободы», чья абсолютная суверенность не о(б)суждаема. Свободу нельзя и преступно «соблазнять»! Ее следует лишь трепетно (вос)принимать и пестовать как сакральную манифестацию уникальности иной человеческой Личности [1, с. 377–442].

Таким образом, *События (Иного, границы, рождения, случайности, смертности, Свободы) есть одновременно и «вход в бытие» и «выход за быт»*. Всякое событие, задевающее человека, неизбежно оказывается *Событием Встречи с (сущностно) Иным*, как с особым состоянием мира, а *жизненный Путь человека (в его философской интерпретации) можно толковать как мировоззренческое странствие человеческого духа через События Встреч с Инаковостью Иного в поисках смысложизненных оснований для собственного «Я»*.

Литература

1. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко / Ж. П. Сартр – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002. – 640 с. – (Библиотека философской мысли)